

Максим Федосов

СТО ДЕВЯНОСТЫЙ КИЛОМЕТР

«Е-моё, где же спички?» — шарил по тумбочке в полной темноте Иван Чудов. Спичек не было. Чертыхнувшись, а потом выругавшись ещё раз, но уже потише, он взял корзинку и вышел на лестницу, хлопнув дверью. Правда, хлопнул не так громко, как вчера, когда онругался с женой и уходил из дома.

Хлопнул так, просто, для чувства.

Холодный, утренний, влажный воздух двора пахнул в ноздри. Набрав медленно полную грудь воздуха, — Иван словно выпивал его одним большим глотком, — выдохнул сильно и махнул рукой. — А!

Махнул на всё, что осталось за спиной. На дом, жену, работу и эту ежедневную круговерть забот. Просто, махнул, и — всё.

Была, не была!

Пошёл!

«Главное, — думал Иван, — корзинку взял. Большую. Ведь за грибами собрался». — Иван продолжал искать спички в кармане.

«Чё, — подумал Иван ещё немного, — ведь давно за грибами не ходил! Поди уж, лет пять. Или шесть. А грибы-то — во!» — посмотрел он на свою корзинку, словно прикидывая, влезут ли все.

«Тьфу, спички-то забыл!»

Постоял, подышал и твердой походкой зашагал по еле видимому темно-зелёному коридору кустов в сторону дороги. Не видел он, как колыхнулся желтый свет в кухне третьего этажа и к холодному стеклу прилип чей-то теплый лоб, — кто-то пытался разглядеть его сверху, но не разглядел.

Это таинственное грибное раннее утро шестого сентября начиналось издалека. Ещё вчера Ивану закатили скандал. Да, так формулировал эту мысль он сам, — **закатили**. Ванина супруга, Нина, молодая и сильная женщина, как всегда, по субботам, убиралась дома и пыталась отправить мужа с веником под диван, — тем более, что была суббота. Тем более, что полгода Иван не мог устроиться на работу, хотя пытался. Честно ходил, подавал заявление два раза на завод. Сказали, что осенью откроют новый цех, — возьмут. Иван привык верить словам начальства. Раз сказали, что возьмут, значит, — возьмут.

Надо уметь ждать.

Надо уметь.

Так он объяснял жене причину своего полугодового ожидания новой работы. Но она была непреклонна, — возьми, мол, найди пока что-то временное.

Но Иван был твёрд, как стена, — раз сказали, что возьмут, надо уметь ждать. Кончилось всё это вчера, в середине дня, после Нининой уборки, когда она поставила перед Иваном пустую тарелку и заявила, что надо уметь ждать. Вот когда возьмут на работу, — тогда и приходи за обедом. Её аргументы тут же были открыты в холодильнике, — там действительно было пусто. Сметана, кислые щи и вчерашний пончик, купленный Иваном для сына Мити.

Митя, ученик пятого негимназического класса, в это время играл в игрушки в своей комнате и на громкий звук пустого холодильника прибежал с вопросительным лицом. За что и получил от мамы вчерашний пончик.

— Когда уроки будешь делать? — строго спросил отец.

— Тамарпална не задавала на завтра, — набив рот пончиком, весело убежал в свою комнату сын.

Сидеть перед пустой тарелкой Иван долго не смог.

«Мало того, что она...

Мало того, что он...»

В общем, это был известный набор слов, которым обычно мужья «отстреливаются» в семейной битве. Но набор слов женщин в таком случае дополнялся «артиллерией действий», — пустая тарелка подействовала как дальнобойная гаубица.

Иван поднялся, оттолкнул пустую тарелку и, громко хлопнув дверью, ушёл к другу Гене, где и пробыл до вечера. Не спеша и смакуя выпили пива, закусили анекдотами, но настроение не улучшалось. Вечером того же дня Иван и решил провести воскресенье для пользы дела в лесу, в поисках грибов.

«Отдохну, а Нина пусть поскучает немного», — думал Иван перед сном, доставая старую корзинку с балкона.

И вот теперь, кутаясь в старую коричневую замшевую курточку, вдыхая утренний осенний воздух, Иван радовался тому, что принял правильное решение.

«А завтра пойду на завод, надо их поторопить-то с решением. Надо, конечно, работать. Надо. Тут Нинка, конечно, права, но..., — взгляд его деревенел и губы выгибалась коромыслом, она не права! Так нельзя, — вспоминал он вчерашнюю пустую тарелку перед собой. — Нельзя так!»

Размышляя так, и медленно отпуская деревянное выражение лица от себя, Иван на узком тротуаре вдруг натолкнулся на старика, который выходил с соседней дорожки на широкий тротуар, ведущий к станции.

— Ух ты ж! Извините, — Иван отступил назад и посмотрел на него повнимательнее.

— Дак эхх, — кряхтел дедушка, трясая тряпичной сумкой, — ходють тут.

— О, у вас спичек не найдется, любезный? — Иван нашарил пачку сигарет в куртке, предвкушая носом кислый вкус утреннего табака.

— Дак, вот они, спички-то. Тута, — дед полез в карман пиджака. Пиджак был старый, изношенный, потёртый местами, но держался как-то уверенно на плечах старика. Видно было, что пиджаку этому чуть меньше лет, чем самому хозяину.

Чиркнув спичкой и осветив лицо ночного незнакомца, Иван успел заметить только, что старик-то ещё не слишком стар, — он как будто немного сгорбленный, — а лицо вполне ещё живое, широкое, с длинными поперечными морщинами на лбу. Старик выхватил коробок из рук Ивана, и, потрясывая сумкой, заспешил в утреннюю темноту, шаркая не по погоде одетыми штиблетами.

Вокзал уже шумел. Электрички с металлическим скрежетом уносились в далёкое грибное пространство, электровозы медленно двигали одинокие дикие вагоны, словно собирая и возвращая их в стадо, пассажиры бегали с перрона на перрон, стуча тележками и размахивая корзинками. Невидимый и усталый женский голос бойко, но совершенно невыразительно объявлял очередную воскресную электричку.

Воскресенье гудело, и Чудов мечтал присоединиться к этому гудению, — он тоже захотел стать паровозом и собирать разбежавшиеся в разные стороны вагоны, важно и медленно подползать к перрону, пыхая невидимым паром, словно довоенный паровоз. Ему захотелось влиться в толпу грибников, — вон их сколько, в плащах и сапогах, — продвинутые грибники, в кроссовках и с маленькими корзинками, — юные любительницы грибов, старые, маститые грибники-профи, с узкими глазами в надвинутых шапках. О-о... Эти грибники точно заберут всё, что растёт в лесу. У них на кухне уже давно готов арсенал кастрюль и сковородок, чтобы варить рыжики, солить грузди и жарить опята.

Чудов себя считал середнячком, — так, грибником поневоле.

Стоя в кассу за билетами, он заглядывал в корзинки своих соседей. Перед ним брал билет высоченный мужик, таких же примерно лет, что

и Чудов. Тот заметил любопытный взгляд Ивана, улыбнулся широкой и довольной улыбкой.

— Что, за грибами? — низко спросил он.

— За грибами, — заглянул ему в глаза Иван.

— Куда едешь? В Заборье? Или в Устюжное?

— Да в Хватово, поближе! В Заборье далеко уж очень. Полдня ехать.

— Какое полдня? Электричкой три с полтиной часа. И там. Зато там белые, — во! Этож грибы, а не какие-нибудь маслята с опятами. Это, — он закрыл глаза, видимо представив себе сковородку с жареными грибами, помолчал и растягивая звуки произнес, — бееелыее.

— М-м. — промычал Иван.

— А давай с нами, до Заборья, вместе поедем, места покажу...

— А! — Иван махнул рукой. — Давай!

Ему было всё равно, где потратить этот пустой воскресный день, а грибов хотелось хороших, серьезных таких аргументов для разговора с женой. — Тебя звать-то как?

— Егор я, — шелестя купленными билетами, ответил грибник. — Ты не бойся, мы в лесу своих не бросаем. Пошли!

Взяв билеты, грибники заспешили на мост, постояли, покулив в ожидании электрички, и уже через десять минут, помечтав о чём-то, дружно спали в вагоне, который вёз их к неведомым грибным местам. Сначала Иван пытался смотреть в окно, но тоскливый серый туман застилал грязно-желтый пейзаж и видны были только мелькающие, как палки, телеграфные столбы, стоящие вдоль дороги. От ритмичного мелькания столбов глаза Ивана закрывались сами. В голове лишь крутились мысли о том, что в Хватово он знал и лес, и подход к лесу, тропинки, идущие по лесополосе, да и местность была знакомая... А туда, куда вёз его Егор, он мест не знает... Наверное, зря он согласился... Хотя вдвоем ехать и собирать грибы веселее...

Так он думал, думал, и заснул под мерный стук колес.

Ему снилось что-то нервное, он вздрагивал то и дело, голова склонялась в корзинку, словно была готова отделиться и упасть в неё. Сон был какой-то странный: сначала перед ним стояла Нина в кухонном переднике, насупив брови, затем во сне перед ним летала пустая тарелка: он пытался поймать её, но она выскользнула из рук. Потом во сне появилась грозная Тамарпална, Митина учительница, с огромной указкой в руке и от её слов задрожал весь воздух вокруг. Перед его лицом мелькали передник, тарелка, указка, он отворачивался, убегал, хватал корзинки, — их было почему-то очень

много, они мешались под ногами, путались и падали. Путались и падали.

Затем он увидел лес и проложенные в лесу рельсы и шпалы, — он заблудился и шёл по ним, ища выход. Солнце садилось, а выхода не было, и лишь рельсы, мелькали как отточенные ножи в глазах, а шпалы убаюкивали своим мерным ритмом. Внезапно рельсы и шпалы кончились. Просто оборвались и всё. И кругом остался лишь темный лес с трухлявыми деревьями и низким колючим кустарником...

«Остановка 190 километр, следующая Заборье», — гнусаво и механически пропели вагонные динамики. Слово «Заборье» смыло остатки сна, Иван вскочил, хватая корзинку. Егора рядом не было, Иван быстро закрутил головой, ища попутчика, сел, опять вскочил, и понимая, что драгоценные секунды грибной поры, закончатся вот прямо сейчас, через мгновения с закрытием дверей, — пулей вылетел в тамбур, а оттуда, — на перрон. И следом за ним, как он и ожидал, двери со скрипом захлопнулись. Электричка медленно поползла дальше.

Когда последний вагон проехал перед глазами и электричка красными полосками улыбнулась Ивану, он понял, что эта платформа — не Заборье. Перед ним, на платформе напротив висела старая полуржавая вывеска «190 км.», причем буква «м» от названия была отломана и висела вверх ногами. Корзинка стояла рядом и уже пугала его своей пустотой. Было около девяти утра, солнце взошло где-то за плотной пеленой серых мутных облаков, и было даже непонятно с какой стороны оно находилось.

На платформе было пусто.

Иван стал медленно соображать, что скорее всего не доехал до Заборья, потому что точно слышал это название в объявлении. «Значит не доехал», — подумал Иван. — Теперь только ждать следующую электричку, и на ней — до Заборья. А там... Иван уже стал подыскивать версии, куда мог деться его преданный грибной попутчик и не мог изобрести ни одной.

Пошарив по карманам, Иван вынул пачку сигарет, и тут же спрятал её, понимая, что спичек нет.

«Хоть пойду, стрельну огоньку», — подумал он, и направился к маленькому кривому зданию кассы, расположившемуся в конце платформы. Пока он переходил на другую сторону, спускался на рельсы по трухлявым деревянным ступенькам, положенным тут, видимо, еще до первой мировой войны, он напряженно вглядывался в окружающий пейзаж в поисках собеседника и источника спичек.

Но спичек в пейзаже не наблюдалось: на платформе с обеих сторон не было ни одной души.

«Утро», — подумал Иван. — Спят все. — Ему вдруг так приятно вспомнилось тепло собственной кровати, мягкость одеяла и такой привычный, как от собственного тела, запах родной подушки... он поморщился, как бы ещё раз сбрасывая с себя остатки сна, и решительным шагом пошел к кассе.

Касса была закрыта. Расписание на стене было оторвано, и его обрывки валялись в застывшей грязной луже.

«Вот оно..., стодевяностый километр... пфф... — медленно вздохнул Иван. — Надо было все-таки ехать в Хватово, уже ходил бы по лесу. Мысль о грибах стала некоторым спасением для Ивана, он вытянул голову, как мог, и пристально посмотрел вдаль, за перрон, в поле, которое тянулось на несколько десятков километров и скрывалось за бледным горизонтом.

Вздохнув, и еще раз поглядев на обрывки расписания, Иван обречённо опустил на влажную лавку, вытащил пачку сигарет и стал рассматривать её. Спичек по-прежнему не было.

Не было и людей на платформе.

Не было электричек и расписания.

Вздохнув ещё раз, Иван понял, что голова начала стремительно пустеть. Ни мыслей, ни вариантов, как выбираться отсюда, и куда выбираться вообще, ни соображений, что делать с грибами, за которыми он отправился утром, и где теперь их искать, ни надежд на скорую обратную электричку, ни даже понимания, когда именно она придёт, — не было ничего, что могло бы хоть как-то помочь ему ориентироваться в ощущениях, надеждах и решениях.

«Чё делать?» — только один вопрос бился в главном мыслительном центре у Ивана, и ответом на него звучало лишь эхо: «Ничё».

Он походил взад-вперед по платформе, понимая, что всё равно через полчаса, час, ну даже пусть два, придёт электричка, и придут люди, и этот сто девяностый, забытый Богом, километр наполнится жизнью, топотом ног и скрипом тележек, вот-вот пролетят электровозы с грузовыми вагонами, и он будет, обязательно будет, как в далёком детстве считать вагоны: «Сорок четыре, сорок пять, сорок шесть...»

Прошёл час.

Иван уныло глядел в пустой экран мобильного телефона, ожидая появления «палок» индикатора связи, но «палок» было мало, одна единица связи то появлялась, то пропадала. Незаряженная с вечера батарея телефона быстро садилась.

Электричек не было.

Не было людей на платформе.

Не было ни-че-го.

В какой-то момент, ему стало казаться, что нет даже ветра, нет движения воздуха, и он, волнуясь, вздыхал и выдыхал, понимая, что на этом злосчастном километре только у него одного есть дыхание, движение, волнение и вообще, теплится какая-то жизнь.

«Как они живут тут, на этом стодевяностом?» — думал Иван. — Где они тут живут?» — Он пытался рассмотреть окружающий пейзаж, но было внутри и казалось, что эту платформу построили прямо посередине огромного бесхозного поля: не было ни домов, ни ферм, ни колхозных зданий (как он себе их представлял). А самая главная опасность, которая сильно волновала его: он не видел людей. Их не было. Ни души... Стояла тишина, и почему-то Ивану казалось, что именно так звучит «зловещая тишина». Эта тишина настойчиво стала напоминать ему сегодняшней рваный сон в электричке.

«Что-то про шпалы... Про рельсы... Тьфу, спичек нет».

Иван начал опасаться этой тишины и этого безмолвия.

Прошел ещё почти час. Время превратилось в кисель, он смотрел на «умирающий» экран телефона и ждал, когда цифра 12.01 сменится на 12.02 и между ними, по его ощущениям, проходило почти десять-пятнадцать минут. Он начал считать секунды, и стал ловить себя на мысли, что начинает сходить с ума. В пустую голову полезли совсем уж странные мысли: то ему казалось, что это сон, то казалось, что он только что вышел из электрички. Эти два каких-то мертвых часа, казались ему вечностью: всё вокруг него застыло в своей тишине и обездвиженности, всё вокруг замерло и, казалось, что вся эта пустота снаружи смотрит именно на него.

Смотрит ему внутрь.

«Что со мной?» — Иван начал сомневаться в правдоподобности ситуации, и невольно «взялся за голову»: обхватил её двумя руками и начал сильно тереть виски. Этот самый страшный неправдоподобный диагноз он начал воспринимать с каким-то колким дрожанием в руках. Губы начали лезть друг на друга и кусаться, а колени сами собой подпрыгивали, волнение поднималось на высшую ступень, когда уже трудно предположить положение тела в следующую секунду. Кажется, что эти тишина и пустота начали действовать разрушительно, — и главное, — ничто в мозгу Ивана не препятствовало этому разрушению. Не останавливало его!

«Это чья-то глупая шутка... что-ли... Генка!» — крикнул он своего друга, ожидая какого-то неведомого ответа, — выходи! Егор, это ты?» В ответ не колыхнулся даже пожелтевший листок, лежащий перед ним на перроне.

«Тааак! Начинаю, е-моё, прямо волноваться», — громко начал разговаривать он сам с собой. «Где все?» — покрутил головой. «Народ! Где все?» — ещё раз, перекрикивая себя, орал он.

Встал, опять прошёлся по перрону вперёд-назад. Казалось, он присутствовал на съёмочной площадке какого-то фильма, только артисты и съёмочная бригада давно уехала, бросив реквизит и оставив съёмочный павильон с платформой, куском рваного расписания, унылой кривой будкой с надписью «Касса» и единственным актёром на площадке.

«Забыли меня, забыли», — начал представлять себе несуществующее кино Иван и нервно останавливал себя в пустых мечтаниях. Достав сигарету, он начал судорожно крутить её в руке. Опять сел на лавку, закрыл глаза. Попытался успокоиться. Не получалось. Однако, на второй раз ему удалось услышать не отсутствие звуков, а какую-то спокойную тишину. Он опять закрыл глаза и попытался вслушаться в эту тишину. На второй раз ему стало спокойнее.

Вспоминая какие-то советы в передаче про здоровье, он начал глубоко дышать.

Тишина. Длинная, долгая, слипшаяся, но какая-то... не пустая тишина. И опять тишина.

Ни ветерка, ни вдоха, ни треска, ни пыли, летящей над краешком губ, ни колыхания, почти замерло всё, замерло.

«У-у-у-у-у», — еле-еле, тихо-тихо дышал он, словно боясь спугнуть эту тишину.

Голова вдруг ожила, пустота стала наполняться каким-то легким блаженством, покоем, — и совсем не сном. Он сидел, развалившись на лавке, закрыв глаза и, неожиданно сам для себя, стал успокаиваться, расслабляться, — и голова начала работать, о чём-то думать. Что-то колыхнулось и в том месте, где сердце. Где-то еще что-то затрепетало, но Иван не почувствовал, где это место, куда эти тишина начала тягуче и медленно наливаться. Что-то показалось, словно воспоминания пролетели мимо, и тут же погасли.

Он сидел один, в глубокой тишине и думал.

Ему казалось, что **вот так** он ещё никогда не думал. Не размышлял.

А всё потому что... тишина.

«Что ж это я?» — неожиданно для себя подумал он.—Почему всё вот так, вот так... с Нинкой-то?»

Тишина в ответ.

«Что ж я... это... бросил всё, сбежал.... Что это... вечно со мной?»

Тишина.

«Разве мне нужны эти грибы? Да пропади они пропадом! Кто их будет перебирать потом, варить, — эх... Зачем я поехал сюда?»

Тишина.

«Зачем я так... Нинке-то..., наговорил ерудны, обидел ведь. Тянет она дом, тянет. На двух работах, а я её так...».

Тишина.

«Да чего я, вправду, раскис-то? Чего я? Да нормально всё! Нормально. Вот электричка придёт, и поеду домой. Ну их, эти грибы».

Тишина.

«Да чего я? Чего я... перед ней-то?»

Тишина.

«Пфффуух...»— Иван сделал глубокий выдох, — «сложно всё. Но я, конечно, тоже хорош. Вот за Митьку надо браться, совсем от рук отбился, двойки... Надо браться».

Тишина.

«Да... вот так посидишь, и всё... словно попёрло изнутри... словно жгёт чем-то. Ох, накуролесил... только от бутылки отошел, теперь с работой не идет...» — вздыхал и думал Иван.

Тишина словно пахнула слабым ветерком по его закрытым глазам.

«Пфффуух... что же так всё...криво как-то? Криво как-то всё... Не людски. И Нинка тоже... Ох, Нинка, Нинка...прости меня... дурака...»

Эти, последние, слова дались Ивану с трудом, он словно выдавливал каждое слово изнутри себя. А когда закончил предложение, неожиданно для себя поднял голову вверх. Что он там хотел увидеть?

«Надо как-нибудь в церковь зайти... что-ли...— продолжал размышлять он. — «Зайти надо... свечку поставить. А то всю жизнь так... вот так на лавке, в ожидании...чего-то...»

Твердость тишины неожиданно расплавилась медленным, далёким эхом звучащего поезда, большого поезда, который мчался где-то вдалеке...

Нет, не вдалеке, он приближался, быстрее, сильнее, звук нарастал. Ветер поднял лист, лежащий на асфальте и понёс его, куда-то, понёс, словно какие-то обещания уплывали в синь горизонта, кому-то неся восточку о новом дне, который начинал гудеть, шипеть, двигаться, стучать, шелестеть и жить.

Мимо Ивана на полной скорости, поднимая тучи пыли и песка, промчался скорый поезд «Москва-Воркута», громокая сцепками вагонов, и выдавая оглушительный свисток. Иван открыл глаза и вынужден был придержать корзинку, которую чуть не сдуло стремительной струей воздуха от пронесившегося поезда.

«Вот... Вот жизнь-то... она идет, мчится. Стремится куда-то. Кто в Москву, кто в Воркуту», — медленно и вяло бормотал про себя Иван. На противоположной платформе кто-то зашагал, у кассы заторможились первые посетители.

«Ну вот, а я уж прям-таки... расклеился чего-то. Странности какие-то... хотя... нормально всё», — выдохнул Иван и поднявшись с лавки, схватил пустую корзинку.

В кассе было маленькое окошко, поэтому Иван, неудачно просунув голову, не влез, а затем молча положил пару бумажных купюр:

— До города, обратно.

— Туда и обратно? — слышался вопрос из окошка.

— Нет, только туда, — решительно рявкнул Иван.

Заглянув в окошко кассы, Иван увидел знакомое лицо: лоб в длинных глубоких морщинах и знакомый старый поношенный пиджак.

— А ведь мы с вами сегодня уже виделись, или нет? — порывлся в своих воспоминаниях Иван.

— Все мы когда-то уже виделись в этом мире... — позёвывая, ответил старик.

— Да, нет же! В городе, сегодня, рано утром, вы давали мне прикурить, это же были вы!

— Вы видите, написано «Касса»! Это касса!

— Я вижу, что это касса. Но как вы объясните... — Чудов молчал, подбирая слова, которые нужно было сказать дальше.

— Как объяснить, — очень просто, — медленно выговаривая слова, прервал его мысли старик. — Это касса. За всё нужно платить, молодой человек. За всё... — медленно продолжал он. — Так вам билет в город? Или всё-таки едете в Заборье?

— Какое Заборье! Я тут чуть не завис в вашей этой самой, этой... платформе. Давайте мне билет, и я уеду отсюда.

Кассир медленно высыпал сдачу в тарелку, сверху аккуратно положил билет и издевательски улыбнулся Чудову.

— Вот, понимаешь, что такое... наделали тут... непонятно ничего... какие грибы теперь, — устало и обиженно бормотал Иван, отходя от кассы и перекладывая пустую корзинку в другую руку. Домой поеду.

Внезапно он вспомнил весь свой сегодняшний день, от раннего пробуждения до того самого момента «зловещей» тишины, —

воспоминания словно обожгли его душу, но прибавили уверенности, что нужно срочно возвращаться домой, на точку его утреннего «старта». Да и слово «зловещая», как думал теперь Иван, не совсем подходило к тому ощущению, что он пережил сегодня.

— Возможно, что-то там, дома, станет более понятно, — думал Иван.

Сидя в вагоне обратной электрички, он специально закрыл глаза, чтобы не видеть никого. Ни тех, кто уже ехал с полными корзинами белых грибов, ни тех, кто ехал, сняв плащ или куртку, разлив что-то горячее по стаканам, громко о чем-то спорил с попутчиками, ни тех, кто даже просто сидел, уткнувшись в стекло вагона. Если бы он мог, он закрыл бы даже уши, чтобы не слышать того гама и шума, которым была набита дневная воскресная электричка.

Та самая тишина до самого дома мерещилась ему, и порой ему казалось, что он разговаривал сегодня с ней, с этой тишиной. И она ему что-то отвечала, только ответы эти он складывал куда-то в себя, внутрь, хотя такого места в себе ещё не знал.

Один, правда, попутчик, испортил его настроение, уже перед самым выходом в тамбуре:

— Чё, корзинка-то пустая? — ехидно заметил тот.

— Она не пустая, — хотел ответить Иван, но осёкся и лишь многозначительно махнул рукой: — А!

Тот поднял глаза вверх, надвинул шапку и вместе с Иваном вышел в морозящий мелкий и неприятный дождь.

Вечером того же дня, вздрагивая от нахлынувших дневных мыслей, и подвигаясь, поближе к теплой Нине, которая, как всегда простила его и дала ему «новый шанс определиться завтра с работой», он ещё вспоминал это сладостное чувство тишины и покоя, которое сегодня разлилось в нём на этой странной станции, недалеко от Заборья.

* * *

Ночью, проснувшись, он долго лежал, глядя в пустой потолок, вспоминая события дня. Он мечтал о хорошем, теплом и вкусном будущем, которое ждало его где-то недалеко... Он потянулся, вылез из теплой кровати, включил торшер и достал с верхней полки атлас железных дорог, чтобы найти ту странную платформу с названием «сто девяностый километр». Но как он не копался в справочнике, станцию с названием «платформа 190 километр» найти так и не смог. Такой платформы в справочнике не было.

Он выключил торшер, сладко зевнул и полез обратно в тепло.

© Максим Федосов, 2014
Свидетельство о публикации №214120501814